

А. С. Сенявский
**БОЛЬШИЕ ВЫЗОВЫ В ИМПЕРСКОЙ И СОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ
РОССИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

doi: 10.30759/1728-9718-2018-2(59)-39-48

УДК 930.2(470)

ББК 63.0+63.3(2)

Большие вызовы и ответы на них в имперский и советский периоды истории России сопоставляются с позиций социосистемной методологии. Прослеживается закономерность: их типологический состав, при всех различиях содержания и форм, во многом аналогичен. Причины, вопреки кардинальным отличиям имперской и советской систем, кроются в преемственности цивилизационных основ общества, в совокупности внутренних и внешних условий для сохранения жесткого этатизма в стране с множеством центробежных факторов, которым противостоит интегрирующая и оборонительная, цивилизаторская и модернизирующая роль мощного государства. Причины также в относительном сохранении места России в мировом геополитическом и геоэкономическом пространстве, в постоянном внешнем давлении, часто переходящем в прямую агрессию, в сохраняющемся догоняющем характере развития по отношению к Западу в основном на путях подражательной, заимствующей модернизации. Выживание и развитие России осложняли разнообразные внутренние расколы (цивилизационный, культурный, религиозный, социальный и др.), которые, трансформируясь, переходили на следующие этапы. Поставлен вопрос об исторических микроциклах (в рамках имперского периода), завершившихся обострением старых и появлением качественно новых вызовов, требовавших нового ответа, и макроциклах (большой имперский и советский), комплекс проблем которых разрешался через системную катастрофу. Особое значение имела негативная эволюция элиты, часть которой под влиянием западных ценностей шла к деградации, перерождению и предательству национальных интересов. Результат этих процессов, дополненных действиями контрэлиты, повторил свое разрушительное влияние в конце имперского и советского циклов истории России, став одним из важнейших факторов системного краха и империи, и СССР.

Ключевые слова: история России; социосистемный анализ, имперский и советский периоды, макро- и микроциклы, большие вызовы и ответы, геополитика и геоэкономика, элиты и контрэлиты

Существующие ныне теории (в т. ч. популярные у российских историков модернизационные концепции, «вызовов и ответов» А. Тойнби и др., относящиеся к категории мезотеорий) охватывают только часть сложнейших явлений. Наука сегодня способна определить лишь вектор движения человечества на отрезках истории, но пока не может в достаточной полноте и точности объяснить механизмы процесса.

Причина неудач социальных наук не только в крайней сложности «социальной субстанции», но и в слабости самих гуманитарных и социальных наук, разобщенных в своей специализации и отстающих в своей методологической и инструментальной оснащенности от наук точных и естественных. Поэтому «обществоведы» довольствуются освоением (под своим углом зрения) лишь фрагментов социальной

реальности, пытаясь «агрегировать» их по разным основаниям в типы социумов разных видов (формации, цивилизации и др.), в процессы (модернизации, трансформации и др.), исторические явления (реформы, революции и др.), формы взаимодействия и способы реагирования на внешние стимулы («вызовы–ответы») и т. д.

Более перспективным теоретико-методологическим инструментом исследования истории России, на наш взгляд, является социосистемный анализ, не навязывающий априори содержательные интерпретации, но позволяющий рассмотреть Россию как единый «социальный организм», изменяющийся не только под внешним давлением, но и вследствие внутренних сложных «программ» развития.

Именно социосистемный анализ может предоставить исследовательский инструментарий, способный вывести историческое познание на качественно новый уровень, обеспечить изучение конкретных цивилизаций, народов, стран, государств полнотой раскрытия

их разных измерений: и структуры взаимосвязей внутреннего и внешнего, и исторической динамики социума, и т. д. Пока что эта методология находится в стадии становления, и историки работают в рамках весьма упрощенных теоретических конструкций. В данной статье используется промежуточная исследовательская стратегия — предварительный синтез привычных для историков подходов с основами предлагаемого нами социосистемного анализа. Прикладная цель исследования — сопоставление «больших вызовов и ответов» в имперской и советской России, выявление общего и специфического для двух периодов российской истории, преемственности и особенностей влиявших на нее факторов и реагирования на них российского социума.

Такое сопоставление представляет не только академический интерес. Оно общественно актуально, поскольку оба периода, при всей совокупности качественных различий и путей развития страны, и масштабов общества, и уровней его развития, завершились сходными итогами — национальными катастрофами с крахом прежней государственности и системы социально-экономических отношений, с огромными людскими, материальными, территориальными потерями, с уроном для национальной безопасности и утратой прежнего международного влияния, со снижением геополитического статуса государства, с последующим реформированием всех сфер жизни общества. С учетом того, что и предшествующий исторический период закончился аналогично — деструктивными явлениями, включая смуту начала XVII в., иностранную интервенцию, распад государства и всей «социальной ткани», а стране также потребовались десятилетия на восстановление после катастрофы, на возрождение совокупного внутреннего потенциала и внешнего влияния, напрашивается вывод о неслучайности подобных сценариев. Из этого следует гипотеза о цикличности развития России, за которой кроется историческая закономерность, связанная как с внутренними явлениями, так и со способами взаимодействия России с международной средой. К выдвиганию данной гипотезы подталкивает и тот факт, что государственные формы, социально-экономическая организация и иные параметры в рамках этих периодов были разными, а итоги оказывались сходными. Т. е. искать причины этого логично в рамках постоянных, вероятно, наиболее глубинных, явлений.

Поиск причин необходим, поскольку с распадом СССР Россия вступила в очередной, постсоветский, цикл развития с усеченным совокупным потенциалом, с предельно ограниченными возможностями для ответа на вызовы, в намного более, нежели когда-либо ранее, нестабильном, агрессивном, сильном окружении, при отсутствии надежных и влиятельных союзников. Т. е. соотношение между набором и кумулятивным эффектом вызовов для существования современной России, с одной стороны, и наличным (и перспективным) ресурсом для противодействия угрозам безопасности страны — с другой, с начала 1990-х гг. радикально изменилось не в российскую пользу и с тех пор только ухудшалось. Особенно отчетливо это наблюдалось в сфере экономики: многие страны совершали рывок в развитии, тогда как Россия, утратив значительную часть своего потенциала, топталась на месте. Так, по объему ВВП страна скатилась со 2-го места при СССР на 13-е в 2017 г. С учетом того, что на излете исторических циклов (даже на пике могущества) Россия впадала в системный катастрофический коллапс, прогноз для нее на среднесрочную перспективу неблагоприятен, если только не будут извлечены должные уроки из всего ее исторического опыта, выработана адекватная стратегия развития и взаимоотношений с внешним миром, найдены механизмы предельно эффективного распоряжения ограниченными ресурсами.

Сделать все это возможно только сформировав полноценную теорию, способную научно корректно и адекватно отразить и осмыслить опыт развития России, особенно последних четырех-пяти веков, с тем, чтобы не повторять роковых ошибок, не превращать их в «дурную бесконечность». В статье предлагается авторский взгляд на первые подходы в этом направлении.

*Социосистемный анализ как
исследовательская методология
истории и «тойнбианские вызовы»*

Современная теоретико-методологическая база исследований оказывается недостаточно эффективной, как только историки поднимаются на уровень объяснения исторического процесса.

Дело здесь не только в случайных для науки факторах, вроде идеологической конъюнктуры, из-за которой сначала вульгаризировали формационную теорию, а затем отбросили (самую

развитую макроконцепцию!). И не в том, что у иных теорий (в основном мезоуровня) малый методологический потенциал: опираясь на них, историки за последние десятилетия совершили существенные прорывы (в частности, используя цивилизационные концепции, теории модернизации¹ и др.). Автор и сам активно применял в исследовательской практике этот инструментарий, поэтому хорошо знает как сильные, так и слабые его стороны.²

Сегодня уже стало почти общепринятым то, что еще лет пятнадцать назад приходилось в спорах доказывать: главным вектором, стержнем всего российского исторического процесса XVII–XX вв. был переход от традиционного аграрного к индустриально-урбанизированному обществу, а модернизация была императивом развития России и т. д. Но отдавая должное уже осуществленным немалым работам на основе используемых подходов, следует признать: необходимо новое качество в теоретико-методологическом оснащении исторических исследований. Необходимо объединение потенциала разных наук и исследовательских подходов, естественно, не эклектическое, а путем синтеза, способного обеспечить системность исторического анализа.

История с точки зрения структуры объекта изучения — интегральная наука, исследующая общество, изменяющееся во времени и пространстве, поэтому она не может себе позволить роскошь вычленения тематических приоритетов при игнорировании остальных аспектов.

Социосистемный анализ (в самом общем виде) предполагает исследование общества в его развитии, в функциональном единстве внутреннего и внешнего, во взаимосвязи всех уровней и подсистем, комплекса исторических акторов и областей приложения их действий, и т. д. Такой системный подход принципиально отличается от цивилизационного

и модернизационного, от концепции вызовов и ответов и т. д., поскольку, во-первых, направлен на целостное исследование общества, а не отдельных аспектов его развития; во-вторых, не фиксирует априори содержательного объяснения, а предполагает интерпретацию, исходя из конкретного исторического анализа. Отличается он и от теории формаций, предлагающей свой комплексный взгляд на историю, но исходящей из односторонне понятых материальных оснований жизни при принижении значимости (и даже игнорировании) других ее подсистем. Социосистемный анализ уходит как от «философии истории» к собственно исследовательской исторической методологии, так и от фрагментарного (ракурсного) исследования к целостному, при этом он способен интегрировать достижения и подходы многих наук и концепций, адаптируя их под свои задачи.

В разработке социосистемного подхода могут найти свое место как зарубежные теории (формационная теория марксизма, системные социологические концепции),³ так и концепции отечественных исследователей. Изложение основ социосистемной теории требует отдельных публикаций.

Предложенный А. Тойнби подход «вызов — ответ»⁴ подвергался во многом обоснованной критике, но он может найти свое место в рамках социосистемного анализа, правда, для решения конкретного круга задач и при корректировке, так как в «классическом» изложении под одними и теми же терминами этот подход соединяет разные по существу явления, к тому же его следует включать в более широкую методологию.

Применительно к задачам данной статьи социосистемный анализ предполагает рассмотрение вызовов как динамично изменяющегося комплекса проблем социума (внутреннего и внешнего порядка), угрожающих (ситуационно) самому существованию либо (стратегически) эффективному развитию социума, тесно взаимосвязанных друг с другом и взаимно усиливающих эффект негативного воздействия на всю систему. Т. е. вызовы могут быть описаны либо как состояние самой системы-социума (и ее ключевых, жизнеобеспечивающих подсистем), либо как «внешние раздражители». Преимущества этой трактовки состоят

¹ См.: Опыт российских модернизаций XVIII–XX века. М., 2000; История России: теоретические проблемы. Вып. 1: Российская цивилизация: опыт исторического и междисциплинарного изучения. М., 2002; Проскуракова Н. А. Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // Вопр. истории. 2005. № 7. С. 153–165; История России: теоретические проблемы. Вып. 2: Модернизационный подход в изучении российской истории. М., 2013; и др.

² См.: Сенявский А. С. Цивилизационный подход в изучении российской истории XX века: некоторые теоретико-методологические аспекты // Россия и мировая цивилизация. М., 2000; Он же. Концепция модернизации и ее исследовательский потенциал в изучении российской истории XX века (теоретико-методологический и инструментальный аспекты) // Actio Nova 2000. М., 2000; и др.

³ См.: Луман Н. Общество общества. Ч. 1. Общество как социальная система. М., 2004; Мертон Р. К. Социальная теория и социальная структура. М., 2006; и др.

⁴ Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 1991.

в переводе таких разнопорядковых явлений, как тойнбианские «вызовы», в общее поле системного подхода с единой методологией и инструментарием.

В социосистемном подходе важно понимание природы «социального организма», от которой зависят как способы его взаимодействия с внешней средой, так и историческая траектория его движения. Речь прежде всего о цивилизационных особенностях России, которая как восточно-христианская цивилизация противостояла Западу, стремившемуся подчинить ее, превратить в свою периферию. Но между ними существовало и взаимодействие (экономическое, военное и т. д.), причем потребность России собственно в культурных контактах была больше.

История выявила поразительную жизнеспособность России, которая не раз после катастроф возрождалась в новых формах, сохраняя цивилизационную основу. Источники ее жизнеспособности имеют этносоциокультурную, конфессиональную и психологическую природу населявших ее народов, опиравшихся также на богатство пространственных и естественных ресурсов. Вместе с тем повторяемость катастроф, цикличность периодов возрождения, развития и внезапного обвала свидетельствуют о глубинной предрасположенности России к отнюдь не оптимальным сценариям развития, к слишком дорогому для общества способу выхода из кризисов. Причины такой «неконструктивной предрасположенности» российской цивилизации в ее «пограничности», внешней и внутренней двойственности, которую некоторые исследователи определяют как цивилизационный «раскол»⁵ Таких «расколов» — и глубинных, долговременных (даже цивилизационных «констант»), и ситуационных, поверхностных — было немало: от религиозного раскола в православии с XVII в. до противостояния «коренных» российских элементов культуры и продуктов западных влияний.

Глубочайшее противоречие нес в себе «модернизационный вызов» — одновременно и потребность в освоении западных инноваций, и обострение социокультурного раскола общества. С этим вызовом тесно связан важнейший «цивилизационный», требующий отстаивания цивилизационной самобытности, ее огражде-

ния от внешнего давления, не только военного, экономического, но и социокультурного, ценностно-мировоззренческого. Либеральная общественная мысль рассматривает цивилизационную специфику России как архаику, которую следует изжить, подстраиваясь под западные стандарты. Однако специфика ее развития определялась объективными факторами и вписывается в логику издревле существующих, кардинально отличающихся типов институциональных матриц, которые обеспечивают выживание социумов в разных условиях.⁶

Верным ответом России было поддержание оптимального баланса — сохранение цивилизационной идентичности при изменениях, обеспечивающих конкурентоспособность, сочетание стабильности и инноваций, в том числе доминирование национальных институциональных и социокультурных матриц над комплементарными заимствованиями. Однако находить баланс в цивилизационно расколотом российском обществе удавалось не всегда.

Имперская модернизация «сверху» была во многом элитарной: сначала осуществлялась в интересах аристократии и дворянства, позже — еще и для буржуазии. Для этой эпохи характерно было соединение социокультурного раскола с социальным: в XVII в. церковный раскол привел к вытеснению старообрядцев в низшие слои общества, а с начала XVIII в. по нарастающей шла вестернизация дворянской элиты, тогда как основная часть населения страны (крестьянство, мещанство) оставалась приверженной к национальной традиционной культуре и образу жизни. Именно здесь, наряду с фактором собственно социального неравенства и угнетения, следует искать причины ожесточенности в казачье-крестьянских войнах, в революции 1917 г. и Гражданской войне, где преимущественно национально-традиционное общество социальных низов сводило счеты с «чуждыми элементами» не только по социальному статусу, но и по духу, образу жизни, культуре, порой даже по языку.

«Императив развития», в основе которого лежит смена технологических доминант, превращал модернизационный процесс в неизбежность, как и жесткое экономико-технологическое и военное соревнование стран, причем, даже

⁵ Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России): в 2 т. Новосибирск, 1998.

⁶ См.: Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y теорию. Изд. 3-е. СПб., 2014.

заявляя лидирующее положение, ни одна страна не может выйти из этой гонки, поскольку новые вызовы развития могут превратить ее в аутсайдера. Россия, устремившись за лидерами, совершая рывки, вновь и вновь воспроизводила на иных уровнях, в иных формах и отставание, и состояние расколотости социума.

Цикличность истории как следствие специфики российской цивилизации и ее взаимодействия со средой

Неоднократная повторяемость «сценария» развития страны (от ее распада через регенерацию и подъем к нисходящей тенденции, а затем и к новой катастрофе) позволяет констатировать цикличность российской истории. Была ли она случайной? Кризисов было много, но системные катастрофы случались нечасто (в начале XVII в., в революции 1917 г. и Гражданской войне, в 1991 г.), причем каждый раз вследствие сочетания внутренних и внешних факторов — раскола элиты, а затем и всего общества, часто под влиянием иноземных ценностей, а затем и при прямом силовом вмешательстве. Значит, есть в этом некая закономерность, и каждый из циклов при всех содержательных различиях воспроизводит некую логику повторяющегося процесса.

На наш взгляд, можно выделить, по меньшей мере, 4 макроцикла. Первый начался процессами формирования единого централизованного Российского государства и окончился Смутой и иностранной интервенцией начала XVII в. Затем распад социальной ткани сменился длительной регенерацией в рамках утверждавшейся романовской монархии, и этот протоимперский этап начал большой имперский цикл, продолжавшийся вплоть до революции 1917 г.

Российский исторический макроцикл вытекал из разрешения противоречий предыдущего через катастрофу, развивался через решение текущих проблем и ответы на «узкие» вызовы, через накопление новых противоречий, вел к новому цивилизационному кризису — концу исторического цикла. В состав макроцикла могли входить микроциклы, в рамках которых давались ответы на текущие вызовы, но они завершались формированием проблем, на которые нельзя было ответить прежними способами. Общество вступало в очередной микроцикл, с новой политикой, институтами и т. д., но без радикальной смены модели развития. Ответ на вызов мог быть

консервативным, когда проводилась силовая политика с целью ничего не менять, что вело к застою с последующим обострением проблем на качественно ином уровне (Николай I, Александр III); реформистским, т. е. смягчавшим проблемы «сверху», (Александр II); катастрофичным — через смуту, революционный взрыв (Николай II). Индикаторами острых проблем, способствовавшими их осознанию, становились неудачные войны, междоусобицы (восстания низов и окраин, расколы элит) и др.

Имперский макроцикл включал в себя 3 микроцикла: 1) протоимперский (XVII в., от завершения Смуты до начала реформ Петра I); 2) раннеимперский (XVIII — середина XIX в.); 3) позднеимперский (2-я половина XIX в. — 1917 г.).

1917 год, от Февраля к Октябрю, — сжатый во времени квазицикл, революционный «буржуазно-демократический»: это завершение большого имперского цикла (вариант смуты, деградация и распад государства, утрата способности обеспечивать внешнюю безопасность, продолжать мировую войну — вплоть до захвата власти большевиками, предложившими свой способ упорядочения социального хаоса и свою историческую перспективу). После этого начался советский макроцикл — от октябрьского переворота 1917 г. до развала СССР 1991 г., открывшего постсоветский макроцикл.

Имперский и советский циклы истории: общее и особенное в реагировании на вызовы

Несмотря на социальные катастрофы, которыми заканчивались большие циклы, в ряде сфер жизни России существовали векторы развития и «сквозные» процессы, осуществлявшиеся вопреки «разрывам» или восстанавливавшиеся на восходящей стадии. Среди них расширение территории государства, рост численности населения и сети поселений, урбанизационный процесс, экономическое освоение пространства, существование сильного государства с концентрацией власти в центре и высокой степенью госконтроля над обществом и др. Постоянно действовали или воспроизводились в иных формах внешние и внутренние вызовы, на которые в эпоху империи и в СССР страна давала похожие, но далеко не одинаковые ответы.

Сравним в самом общем виде вызовы и ответы имперского и советского циклов развития (табл. 1).

Таблица 1

ВНЕШНИЕ ВЫЗОВЫ И ОТВЕТЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И СССР

Вызовы	Ответы империи	Ответы СССР
Геополитический статус	Эволюция от регионального периферийного государства к великой державе (с угасанием влияния в последние полвека существования)	Эволюция от постреволюционного слабого государства до мировой сверхдержавы, одного из силовых центров в двухполюсной системе, «соучредителя» ялтинской системы мироустройства, постоянного члена Совбеза ООН с правом вето. СССР — лидер мирового коммунистического и рабочего движения, на протяжении полувека владевший стратегической инициативой в мировом развитии.
Геополитическое давление	Стратегия пространственного расширения (установление прямого контроля над прилегающими «проблемными» территориями с последующей интеграцией).	Переход от возвращения части утраченных империей территорий (предвоенная политика, итоги II мировой войны) к военно-политическому, экономическому и идеологическому контролю соседних стран (создание «пояса безопасности»)
Геополитическая уязвимость	Освоение отдаленных от центра и слабозаселенных земель путем создания сети военно-административных поселений и военно-казахье-крестьянской колонизации окраинных территорий	Политика формирования национальных элит на общей идеологической основе, «выравнивания» национальных территорий по уровню развития, создания сети опорных индустриальных городов с преобладанием роли русского населения
Военные	Поддержание армии на европейском уровне путем периодических организационных реформ, передового технического оснащения	От создания рабоче-крестьянской армии к ее модернизации, испытанию в мировой и малых войнах, к превращению в сильнейшую сухопутную армию с ядерными стратегическими силами и мощным ВМФ
Военно-политические	Участие во временных (ситуационных) коалициях для решения текущих задач в оборонительных и наступательных войнах	Переход от участия во временных коалициях (II мировая война) к созданию постоянного военно-политического блока в рамках «холодной войны» (Организация Варшавского договора)
Военно-экономические	Создание собственного военного производства для обеспечения армии вооружениями	От форсированного преодоления отставания в развитии военной промышленности к созданию мощного ВПК
Геоэкономические — угроза отставания в развитии	Волны догоняющих модернизаций — от петровской авторитарно-просвещенческой через великодержавно-консервативно-крепостническую екатерининскую к буржуазной раннеиндустриальной либерально-консервативной Александра II и к последующим индустриальным и урбанизационным рывкам	От восстановительных процессов (нэп) к мобилизационной модели индустриальной модернизации с постепенным переходом от подражательно-заимствующего типа к воспроизводящему и инновационно-опережающему (по ряду стратегических направлений) с утратой инициативы на исходе цикла
Геоэкономические — вытеснение с рынков	Продвижение конкурентоспособных товаров, приспособление (не всегда успешное) к развитию мировых рынков с тенденцией утраты важных позиций	Переход от двухсторонних экономических связей (до II мировой войны) к созданию собственной сферы экономического сотрудничества (СЭВ); сочетание идеолого-военно-политического и экономического сотрудничества со странами «третьего мира»; завоевание «естественных» экономических ниш в Западной Европе (газопроводы и др.)

Продолжение таблицы 1

Вызовы	Ответы империи	Ответы СССР
Политико-идеологические	Противопоставление инокультурному давлению собственных идеологов («Москва — третий Рим»; «Самодержавие, православие, народность»; православие — государственная религия, и др.)	Переход от постреволюционной утопии «мировой революции» к политике обеспечения национально-государственных интересов СССР с использованием мирового революционного движения и официальной коммунистической идеологии
Совокупность внешних вызовов	Отсутствие единой стратегии в реагировании на внешние вызовы, преимущественно ситуационные ответы по принципу «стимул — реакция» или временные стратегические решения в отдельных областях	Системная стратегия — от противопоставления идеологий к формированию соцсистемы во главе с военно-экономической и политической сверхдержавой СССР; реагирование по всем основным направлениям (до угасания наступательной стратегической инициативы к началу 1980-х гг.)

На протяжении последних четырех веков для России действовал примерно один и тот же комплекс внутренних и внешних вызовов, тесно взаимосвязанных между собой и определявших ее изменение во времени, несколько циклов развития, в конечном счете завершавшихся однотипно — цивилизационными, государственными, социальными катастрофами с последующей тяжелой регенерацией и возобновлением развития.

Внешние вызовы во многом определяли и внутренние ответы, стимулируя преобразования. Внешняя политика была рискованной, но реалистичной. Главной тенденцией была активизация противодействия внешнему давлению по мере роста совокупного потенциала страны с переходом от оборонительной к наступательной стратегии. Сбой в середине XIX в. (иллюзии по поводу военной мощи России) привел к поражению в Крымской войне. С тех пор трезвость оценки соотношения геополитических притязаний и внутреннего потенциала была утрачена, что, несмотря на военную победу в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., не принесло ожидаемых плодов, привело к поражению в Русско-японской войне, к ввязыванию в 1907 г. в антигерманскую Антанту, а затем в ненужную России Первую мировую войну. Исходом стала новая революция, крах империи и пришедшей ей на смену республики.

Аналогичный путь прошло и Советское государство. Нарастив огромными усилиями и жертвами к началу 1940-х гг. военно-экономический потенциал, СССР сумел противостоять фашистской Германии, мобилизовавшей ресурсы почти всей подчиненной ей Европы, самостоятельно восстановить разрушенную войной

экономику и несколько десятилетий противостоять в «холодной войне» США и всему западному миру. При этом в ответ на давление Запада были созданы военно-политический и экономический союзы (ОВД, СЭВ), поддерживались национально-освободительные и революционные движения на нескольких континентах, выигрывались региональные войны. Однако гонка вооружений, поддержка множества режимов, заявлявших о «социалистической ориентации», перенапрягли экономику, а замедление роста экономического потенциала не сопровождалось ограничением геополитических и идеологических притязаний. В результате СССР «надорвался» в противостоянии Западу, хотя его крах не был фатальным.

Главным внутренним «интегральным» вызовом был вызов развития. В имперскую эпоху он конкретизировался в модернизационном вызове, ответ на который прошел эволюцию, определявшую смену микроциклов — от фрагментарного заимствования европейских инноваций (XVII в.) к развороту власти к Европе и комплексным заимствованиям при консервативно-абсолютистском государстве, далее — к новому осознанию отставания после поражения в Крымской войне, открывшей путь либерально-консервативным буржуазным реформам. Но за это время народились социально-экономические и политические силы, нацеленные на изменение системы и использовавшие острые проблемы низов (крестьянский, рабочий и другие вопросы, недовольство войной с Японией), что вызвало революцию 1905 г. и уступки царя либеральным требованиям. Самодержавие оказалось ограниченным Госдумой и «общественным мнением», но ключевые проблемы

Таблица 2

Внутренние вызовы и ответы Российской империи и СССР

Вызовы	Ответы империи	Ответы СССР
Вызов развития в контексте отставания от Запада	Имперская догоняющая, подражательно-заимствующая модернизация сверху, вестернизаторская по источнику инноваций и характеру изменений, с сохранением вектора, но с изменением идеологических и социально-экономических форм в рамках микроциклов	Переход от догоняющей и заимствующей модернизации к воспроизводящей и опережающей в ряде стратегических сегментов развития на основе мобилизационной модели с максимально широкой социальной опорой
Цивилизационный раскол (в многообразных проявлениях) и необходимость его минимизации и нивелирования негативных последствий	«Разведение» модерна и традиционализма по социальным этажам: «элитарная» модернизация (вплоть до Великих реформ) и доминирование крестьянско-общинного традиционализма внизу. Сохранение узкой социальной базы модернизации вплоть до конца XIX в., когда появляются массовые «низовые» городские слои, интеллигенция, ментально заражаемые либерально-вестернизаторскими идеями.	Модернизация по-советски: использование и переформатирование традиционализма в рамках советских идеолого-политических и социально-экономических форм и институтов для преодоления отсталости, изживания регрессивной традиционности. Трансформация привлекаемых западных инноваций под советскую модель.
Социальный раскол	Сохранение сословного общества, т. е. правовое закрепление расслоения на протяжении всего имперского цикла, с изначальным возложением государством на каждое из сословий своего сословного бремени. Отставание в «освобождении» сословий более чем на столетие (крестьянство от временнообязанного состояния — лишь в начале XX в.). Развитие капитализма — дополнение сословной дифференциации классово-имущественной. Расширение социальной базы для революционного разрешения нарастающих противоречий.	Революционный слом старой сословно-классовой структуры с ликвидацией верхнего (элитарного и среднего) социального полюса (слоя «бывших») частью путем истребления, частью — выдавливанием из страны. Поражение в правах «бывших». Курс на выращивание «социально-близкой» элиты — рабоче-крестьянского по происхождению слоя интеллигенции и управленцев.
Социальный раскол в сочетании с социокультурным	Отрыв элиты от большинства населения по менталитету, образу жизни, «вестернизированности». Расширение социальной базы либеральных движений и буржуазно-демократических революций. Низовой традиционализм — социальная база для антивестернизации и контрэлитарной революции.	Рост городских социокультурно «промежуточных» слоев. Эволюция элиты в позднесоветское время в «квазисословия» с подверженностью влияниям западных ценностей в контексте информационно-психологической («холодной») войны.

сохранились, а некоторые усугубились. Аграрная реформа П. А. Столыпина настроила крестьян против монархии, а непонятная мировая война оторвала миллионы от их хозяйств, изменила мировоззрение, сделала их удобным политическим инструментом. В феврале 1917 г. западники-либералы, рвавшиеся к власти, возбудив недовольство рабоче-солдатской массы в столице, направили его против монархии. Империя рухнула. Но узкая либеральная часть общества не смогла управлять страной

низового традиционализма, с которого революция сорвала оковы имперского государства, и ввергла страну в хаос. Проявилась двойственность российской культуры, в которой традиционализм (крестьян и полу-крестьянской рабочей массы) противостоял модернизационным вестернизаторским тенденциям буржуазных слоев.

Имперский цивилизационный цикл завершился незаконченной раннеиндустриальной либерально-консервативной модернизацией,

достигшей существенных успехов, но породившей взрывоопасные проблемы и своих «могильщиков» — либеральную буржуазию. Однако индустриальная модернизация осталась императивом и для СССР. На смену имперской пришла леворадикальная советская «модернизация низов». Сохранились прежние вызовы, хотя и в новых формах — вызов развития в предельно жестких условиях дефицита исторического времени в сочетании с внешними вызовами. Ответом надолго стала мобилизационная модель развития, использовавшая западные технологии, опиравшаяся на противоречия между своими геополитическими и геоэкономическими конкурентами, на идеологически близкие левые организации Запада. После Гражданской войны, пройдя путь восстановления в рамках нэпа, СССР реализовывал стратегию концентрации ресурсов в руках государства и на этой основе — форсированного индустриального развития. Отойдя от идей мировой революции, советское руководство при Сталине совершило инверсию, превратив международное коммунистическое движение в инструмент обеспечения интересов СССР. В стране, потерявшей основную часть старых специалистов, формировалась «социально близкая» рабоче-крестьянская интеллигенция. Стратегия развития обеспечила победу СССР во II Мировой войне, в ходе которой он пошел на союз с «западными демократиями», надеясь, в частности, на конструктивное послевоенное сотрудничество. Но идеологическое противостояние и геополитическая

конкуренция подтолкнули Запад к развязыванию «холодной войны» против СССР, которая завершилась к началу 1990-х гг. развалом соцлагеря, а затем и СССР, который рухнул в апогее своего военно-экономического могущества, имея вполне конкурентную экономику и развитое общество с высоким уровнем образования и культуры. Свою роль сыграло не только запаздывание с ответами на новые технологические вызовы, перенапряжение в гонке вооружений и в помощи многочисленным «союзникам». СССР проиграл не экономическое соревнование, а прежде всего информационно-психологическую войну. Решающим явилось перерождение собственной коммунистической элиты, подпавшей под влияние западных ценностей и совершившей предательство по отношению к своей стране, т. е. во многом повторившей эволюцию и поведение дореволюционной элиты конца имперского цикла.

Крах социалистической системы, а затем и СССР выявил глубинную суть противоречий между Россией и Западом: маски были сброшены, и оказалось, что главное в противостоянии было не в идеологических расхождениях, а в цивилизационных различиях и в противоположности геополитических интересов. А реставрация капитализма воспроизвела не только социальные противоречия (частью — в большей остроте), породившие революцию начала XX в., но и цивилизационный раскол, ставящий страну на грань выживания, тем более в условиях тотального наступления англосаксонского глобалистского цивилизационного проекта.

Alexander S. Senyavsky

Doctor of Historical Sciences, Institute of Economics of the RAS (Russia, Moscow)

E-mail: senyavsky@yandex.ru

BIG CHALLENGES IN THE IMPERIAL AND SOVIET HISTORY OF RUSSIA: COMPARATIVE ANALYSIS

Big challenges and answers to them in the imperial and Soviet periods of Russian history are compared with the positions of the sociosystem methodology. A regularity is observed: their typological composition, for all differences in content and forms, is largely analogous. The reasons, contrary to the fundamental differences between the imperial and Soviet systems, in the continuity of the civilizational foundations of society, the combination of internal and external conditions for the preservation of rigid statism in a country with a multitude of centrifugal factors that are opposed by the integrating and defensive, civilizing and modernizing role of a powerful state. The reasons for the relative preservation of Russia's place in the world geopolitical and geo-economic space, constant external pressure, often turning into direct aggression, are still catching up with the West, mainly through imitative and borrowing modernization. Survival and development of Russia complicated various internal splits (civilizational, cultural, religious, social, etc.), which, transforming, passed to the following stages. The question is raised about the historical micro-cycles (within the imperial period), which culminated in the aggravation of the old and the appearance of qualitatively new challenges requiring a new response, and macrocycles (large imperial and Soviet), whose problems

were resolved through a systemic catastrophe. Of particular importance was the negative evolution of the elite, a part of which, under the influence of Western values, was leading to the degradation, degeneration and betrayal of national interests. The result of these processes, supplemented by the actions of the counter-elite, repeated its destructive influence at the end of the imperial and Soviet cycles of Russian history, becoming one of the most important factors of the systemic collapse and empire, and the USSR.

Key words: history of Russia, socio-system analysis, the imperial and Soviet periods, macro and micro-cycles, large-scale calls and answers, geopolitics and geo-economics, elites and counter-elites

REFERENCES

- Akhiezer A. I. *Rossiya: kritika istoricheskogo opyta (sotsiokul'turnaya dinamika Rossii)* [Russia: Criticism of Historical Experience (sociocultural dynamics of Russia)]. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf Publ., 1998, vol. 1, 804 p.; vol. 2, 594 p. (in Russ.).
- Istoriya Rossii: teoreticheskiye problemy* [History of Russia: theoretical problems]. Moscow: Nauka Publ., 2002, iss. 1, 240 p. (in Russ.).
- Istoriya Rossii: teoreticheskiye problemy* [History of Russia: theoretical problems]. Moscow: IRI RAN Publ., 2013, iss. 2, 383 p. (in Russ.).
- Kirdina S. G. *Institutsional'nyye matritsy i razvitiye Rossii. Vvedeniye v X–Y teoriyu* [Institutional matrices and the development of Russia. Introduction to the X–Y theory]. Saint Petersburg: Nestor-History Publ., 2014, 468 p. (in Russ.).
- Luman N. *Obshchestvo obshchestva* [Society of Society]. Moscow: “Logos” Publ., 2004, part 1, 232 p. (in Russ.).
- Merton R. K. *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura* [Social theory and social structure]. Moscow: AST, Khranitel' Publ., 2006, 880 p. (in Russ.).
- Opyt rossiyskikh modernizatsiy XVIII–XX veka* [The Experience of the Russian Modernisations of the 18th–20th centuries]. Moscow: Nauka Publ., 2000, 245 p. (in Russ.).
- Proskuryakova N. A. [Concepts of Civilisation and Modernisation in Domestic historiography]. *Voprosy istorii* [Issues of History], 2005, no. 7, pp. 153–165. (in Russ.).
- Toynbee A. J. *Postizhenie istorii* [A Study of History]. Moscow: Progress Publ., 1991, 736 p. (in Russ.).
- Senyavskiy A. S. [Civilization approach in the study of Russian history of the 20th century: some theoretical and methodological aspects]. *Rossiya i mirovaya tsivilizatsiya* [Russia and the world civilization]. Moscow: IRI RAN Publ., 2000, pp. 562–563. (in Russ.).
- Senyavskiy A. S. [The concept of modernization and its research potential in the study of Russian history of the 20th century (theoretical, methodological and instrumental aspects)]. *Actio Nova 2000* [Actio Nova 2000]. Moscow: Globus Publ., 2000, pp. 213–244. (in Russ.).